

ВОЛЬНЫЙ 8 ЛЕКАРЬ

СТУДЕНТ

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 8

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Студент. Том 8 / С. В. Карелин — «Автор»,
«Автор», 2026

Несмотря на козни одного профессора, я смог поступить в медицинскую академию. Однако мою радость омрачила дурная весть: Полина и Сергей пропали по пути в Москву. Я должен их найти, ведь только у меня есть руны-следопыты. Но и это еще не все горести: с юга по империи расходится эпидемия неизвестной болезни. Мне нужно решить все проблемы за три недели – до начала занятий.

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Егор Золотарев, Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 8

Глава 1

Я всматривался в текст телеграммы, но будто не мог понять смысл написанного. Что значит «Полина и Сергей не добрались до Москвы», если давно должны быть здесь? Куда запропастились?

— Что случилось? Кто эти люди? — встревожился Анатолий Ренатович.

— Мои друзья. До сих пор не добрались из Иркутска до Москвы, — упавшим голосом ответил я, чувствуя, как сама мысль о том, что с Полиной что-то случилось, словно тиски сдавливала сердце.

— Не надо сразу думать о плохом. Сам знаешь, какая дорога. Может, задержки рейсов или просто решили не торопиться.

— Нет, этого не может быть. Полина готовилась к поступлению в женскую гимназию и говорила, что экзамены у нас должны быть в одно время. Я выехал раньше, потому что... — мне вдруг стало стыдно признаваться лекарю в том, что я был вынужден бежать из города. — В общем, я выехал раньше, но в пути случалось много разного, поэтому сильно задержался. Я думал, что они уже обошли меня, а, оказывается, их в Москве нет, а старший Базаров поехал на их поиски.

— Базаров? — задумался Анатолий Ренатович. — Кто такой этот Базаров?

— Фабрика у него текстильная в Иркутске.

— А-а, из промышленников, — кивнул он. — Тогда деньги должны водиться. Небось уже нанял людей, которые пустились по следу твоей Полины.

— Скорее всего, так и есть, — согласился я.

— Ты все равно ничего не сможешь сделать. Поэтому не тревожься зря. Если бы пароход утонул или дирижабль упал — давно бы все газеты трубили. Значит, ничего плохого не случилось, — попытался он успокоить меня.

— А если бы на них в дороге разбойники напали, об этом тоже бы написали?

— Ну... Если где-то поблизости, то, возможно, и написали, — с сомнением ответил он. — Если в другой губернии, то только в местных новостях сообщили бы о найденных телах или заброшенном экипаже.

После этих слов мне стало не по себе. А что, если и вправду их убили? Нет-нет, не буду думать о плохом. Сергей рассказывал, что он отличный фехтовальщик и хорошо стреляет, поэтому смог бы расправиться с обычными придорожными разбойниками. Или не смог? Эх, зря я уехал один. Надо было остановиться в какой-нибудь деревеньке под Иркутском и отправить им весточку. Вместе бы поехали в Москву.

— На тебе лица нет, — Анатолий Ренатович налил воды и протянул мне стакан. — Попей и выдохни. Уверен, скоро все разъяснится, и твои друзья найдутся. Кстати, на чем они ехали и где пропали?

— Ничего не знаю, — мотнул головой.

— Вот поэтому надо сначала все выяснить, а не придумывать себе всякого. Как говорится, утро вечера мудренее. Ложись спать, а завтра подумаем, как действовать. У меня есть знакомые в разных городах. Если понадобится — всех на уши подыму, — пообещал он.

— Вы правы, — я залпом выпил воду, отнес стакан на кухню и поднялся к себе.

Приняв душ, еще долго лежал в кровати, глядя на светлый лик луны и думая о Полине и Сергее. Я про них ничего не знал с того самого дня, как уехал из Иркутска. Мы договарива-

лись, что будем путешествовать на дирижаблях, ведь это самый быстрый способ добраться до нужного места, но они могли все переиграть, потому что, как оказалось, это не самый надежный способ передвижения.

Возможно, они решили продолжить путь на экипаже. У Базаровых породистые и быстрые скакуны, на которых можно положиться в долгой дороге. Или до самого Нижнего Новгорода плыли на пароходе, а потом пересели на поезд. Или рискнули и полетели на дирижаблях. Гадать можно было бесконечно, поэтому я решил последовать совету Анатолия Ренатовича и лечь спать. Завтра напишу Илье, чтоб выяснил подробности.

Архимонах Прокопий Рязанов сидел в кресле в своем кабинете на самом верхнем этаже Святилища и, сложив молитвенно руки, просил помощи у своего божества Истинного. Только что ему доложили о том, что случилось с Рачковым и что сибирский знахарь жив и невредим.

— ...умоляю, направь меня по верному пути и дай силы расправиться с врагами нашего ордена, — закончил он свою речь, склонил голову перед оком в треугольнике, которое грозно смотрело на него со стены, и совершенно без сил откинулся на спинку кресла.

Из-за всех переживаний, которые выпали на его долю в последние дни, к нему вернулась давняя болезнь, что ломала кости по ночам и не давала спать.

Архимонах повернулся к светлеющему небу и почувствовал себя таким слабым и ничемным, что сердце защемило от жалости к себе. Он всю жизнь шел к посту, который занимал, но сейчас понял, что недостойн его: прихожан становилось все меньше, казна ордена таяла на глазах, служители все чаще действовали не во благо Истинного, а ради собственных амбиций. В прошлом году служитель одного из храмов назвал уважаемого человека Пособником тьмы и, подговорив десяток прихожан, намеревался поджечь его имение, но был схвачен и на допросе признался, что просто обиделся на человека за то, что тот недостаточно крупную сумму положил в ящик для пожертвований. Об этом прознали газетчики и раструбили на всю империю. После этой истории прихожан стало еще меньше, чем было.

Два месяца назад, как раз к ужину, прямо в резиденцию заявился сам начальник канцелярии военного министра — суровый мужчина с пышными усами и цепким взглядом, и недвусмысленно намекнул, что если уж орден занимается избавлением империи от Тьмы, то пусть это делает не так открыто и тщательно подчищает за собой. Прокопий сразу понял, о чем речь, ведь как раз накануне один из его людей доложил, что найден маг, владеющий даром управления огнем. Двое из личной охраны главы «Лика Истинного» должны были подстроить несчастный случай, в результате которого маг бы погиб, но тот оказался живуч и, мало того, побежал прямо к военному министру и рассказал о том, что произошло. Он не смог доказать, что все было подстроено и что к этому делу причастен архимонах, но все понимали, чьих рук это дело.

Известие, полученное сегодня, полностью выбило его из колеи, отчего промелькнула мысль оставить пост главы ордена и уйти на покой, но он взял себя в руки и разорвал бумагу, на которой уже начал писать причину своего поступка. Загадочная смерть Рачкова, который буквально на ровном месте упал и умер, вызвала множество вопросов. Но больше всего его интересовало, почему сибирский знахарь до сих пор жив. Неужто у опытного наемника дрогнула рука? Или он пожалел юношу? И что на самом деле произошло в доме лекаря Калинина? На все эти вопросы никто из тех, кто был приставлен следить за наемником, не смог ответить. Как и на вопрос, почему Рачков вломился в дом, когда в нем были пожилые супруги, но не было знахаря?

— Истинный, укажи мне верный путь, — со вздохом отчаяния прошептал архимонах и поднялся с кресла.

Сегодня была служба, а это значит, что прихожане оставили деньги в ящике для пожертвований. Он любил лично их пересчитывать, прежде чем класть в сейф.

Прокопий Рязанов мечтал о лифте, которые появились в доходных домах. Это изобретение здорово бы облегчило его жизнь, ведь почти каждый день, а иногда и не по одному разу, приходилось спускаться и подниматься на четвертый этаж, в кабинет.

Однако в этот раз спускаться он не захотел и, приоткрыв дверь, велел охранникам, что сопровождали его повсюду:

— Поднимите сюда ящик для пожертвований.

— Но ведь... — хотел было возмутиться один из охранников, но второй ткнул его локтем в бок, и тот замолчал.

Архимонах понимал, что это непростая задача, ведь сам ящик был отлит из чугуна и вмурован в массивный гранитный блок — такой не сможет украсть незаметно ни один вор. Но и жалеть кого-то кроме себя не хотел.

Приказав слуге, что сидел в его приемной и вел учет посетителей, принести чай с пирожными, он вновь вернулся за свой стол и грузно опустился в кресло. Архимонаху казалось, что из-за болезни ломит все суставы, и он мечтал поскорее вернуться домой, лечь в мягкую постель и велеть слуге смазать суставы камфорным маслом. Однако дела ордена были превыше всего. Нужно посчитать деньги и решить, что делать с сибирским знахарем.

Вскоре слуга принес поднос, поставил его на стол перед Прокопием и поспешно вышел. Архимонах с наслаждением откусил пирожное с белковым кремом и запил крепким черным чаем. Это несколько взбодрило его, поэтому к тому моменту, когда охранники, обливаясь потом, затащили в кабинет ящик для пожертвований, Рязанов уже находился в приподнятом настроении.

Открыв замок ключом, что висел на шее, он откинул крышку и с раздражением выдохнул. Даже без пересчета было понятно, что денег явно меньше, чем на прошлой неделе. Прокопий выгреб все до последней копейки на свой стол и начал считать, делая пометки в учетной книге, чтобы не запутаться. Сначала посчитал крупные купюры — их бросали зажиточные дамы и делали это демонстративно, чтобы все видели, насколько они щедры. Затем купюры помельче — эти в ящик опускали люди семейные, которые приводили в Святилище детей и приучали к набожности. В самом конце пересчитал засаленные копейки, какие обычно бросают в ящик старухи, когда деньги уже на исходе, но грешно уйти, не поблагодарив за проповедь.

Написав окончательную сумму, он горестно вздохнул. Всего двести тридцать пять рублей восемьдесят три копейки. В былые времена за одну службу пожертвований было не меньше тысячи, а теперь — жалкие крохи.

Положив деньги в сейф, он снова позвал охранников, чтобы те вернули ящик на место. Мужчины повздыхали, но послушаться не осмелились. Как только их шаги стихли за дверью, архимонах вернулся ко второй проблеме, а именно — к знахарю Устинову.

С одной стороны, знахарь не был злодеем, который с помощью своей способности занимается разбоем или другим предосудительным делом. Но, с другой стороны, он — маг, а это значит, что в себе носит часть той Тьмы, о которой предупреждали еще несколько столетий назад праотцы-создатели ордена «Лик Истинного».

Прокопий недолго сомневался. Решение было принято примерно через две минуты с того момента, как он вообще задумался о знахаре.

Допив уже остывший чай, он съел последнее пирожное и вышел из кабинета.

— Меня сегодня больше не будет, — сказал он слуге и подошел к винтовой лестнице.

От мысли о том, что придется пройти столько ступеней, ему стало не по себе. Суставы отзывались болью при каждом движении, поэтому лестницы были для него настоящей катор-

гой. Обычно его страховали охранники, но сейчас их здесь не было, ведь до сих пор откуда-то снизу доносилось их кряхтение.

Выдохнув, он вцепился в резные перила и начал спускаться. Ноги слушались с трудом, пальцы ныли, но он понимал, что, как только покажет посторонним свою слабость, тут же станет уязвим. У главы ордена не может быть болезней, иначе быстро найдутся те, кто захочет сместить его с этого поста.

Утром я поехал навестить Наталью. Зарубин, как и доктор, который ее наблюдал, удивлялись тому, как быстро женщина идет на поправку. Никто, включая саму больную, не знал, что это я применил свои способности и помог в лечении.

— Это все потому, что я к детям хочу, — призналась Наталья, когда лекари оставили нас одних. — Душа не на месте. Как они там без меня?

— Вчера я к ним заглядывал... — начал было я, но женщина прервала меня.

— И как они? Муж мой дома был? — спросила она, вперившись в меня встревоженным взглядом.

— Да, все хорошо. Сидели за столом, ужинали, — соврал я. Ни к чему расстраивать больную женщину. — За вас беспокоились, но я сказал, что операция прошла хорошо.

— За столом ужинали? Хм, — похоже, не такого ответа она ждала.

— Если хотите, я могу и сегодня сходить.

— Ой, а вам не трудно? Как-то неудобно вас просить.

— Не трудно, все равно по пути.

— Тогда, если позволите, я напишу им несколько слов, чтобы детки мои не боялись за меня. Они у меня грамотные. Только малыши читать не умеют. Подождете?

— Пишите, — кивнул я и подвинул к ней чернильницу, стоящую на тумбочке, дал в руки перо и лист бумаги.

Женщина немного приподнялась, обмакнула перо в чернила и принялась выводить буквы. Было видно, что письмо дается ей с трудом, и почти в каждом слове есть ошибка, но смысл был понятен.

— Вот, передайте от меня, — она сложила лист вчетверо и отдала мне. — И скажите, что, как только поправлюсь, вернусь домой и петушков на палочке каждому куплю. Они у меня петушков страсть как любят.

— Хорошо, выздоравливайте, а я к вам еще загляну.

Перед тем как уйти, я взял ее руку и быстро нарисовал руну «Исцеления», чтобы ускорить заживление. Женщина внимательно посмотрела на меня, затем — на свою руку и расплылась в улыбке.

— Я чувствую. Я все чувствую, — прошептала Наталья.

— Что вы чувствуете?

— Тепло по всему телу, когда вы вот так пальцем по руке водите. Вы меня лечите.

Она не спрашивала, а утверждала. Я лишь пожал плечами, развернулся и двинулся к двери.

— Спасибо! Спасибо за все! — крикнула она мне вслед.

Я вышел из больницы и направился на улицу Харитонова к дому Натальи. По пути купил сладостей, хлеба и молока. Еще издали увидел детей, которые носились по двору. Отец семейства с опухшим лицом, но трезвый, сидел на крыльце и держал на коленях ребенка. Увидев меня, он поднялся на ноги, опустил ребенка в траву и пошел мне навстречу.

— Здорово, — он первым протянул мне руку. — Дети мне все рассказали. Благодарствую за помощь.

Я пожал ему руку и отдал письмо Натальи.

— Жена ваша идет на поправку. Скоро будет дома. Вы — человек взрослый и сами решаете, что делать со своей жизнью, но теперь на вас дети. Уж постарайтесь не пить и получше заботиться о них, чтоб голодными не сидели, — строго сказал я и переключил зрение.

Мне хотелось понять, почему к мужчине прицепилась эта пагубная привычка. Уж неделки ли сущности? Однако в его голове не было никакого подселенца, только боль после спиртного, которую я лечить точно не буду. Сам пил — пусть сам и страдает.

— Да знаю я, — он махнул рукой и стыдливо опустил голову. — Самому стыдно за вчерашнее. Мне ведь все начали говорить, что Наташка моя помрет. Если не болезнь ее убьет, то операция уж точно. Вот я и сорвался.

— Держите, — я отдал ему кульки с едой и предупредил: — Я буду заглядывать, пока Наталья не вернулась домой.

Погладив по курчавой голове малыша, который приполз к моим ногам и с интересом рассматривал меня, я развернулся и двинулся к калитке.

— Почему ты заботаешься о нас, хотя мы даже не знакомы? — бросил мне вслед мужчина.

— Не могу иначе, — ответил я и бодро зашагал по дороге в сторону телеграфной станции.

Я не мог сидеть сложа руки, пока Полина в беде, поэтому намеревался выяснить побольше сведений и тоже поехать на ее поиски. В телеграмме попросил Илью еще раз сходить к Базаровым и поговорить с дворецким. Возможно, ему что-то известно. Анатолий Ренатович прав, сейчас бессмысленно что-то предпринимать, ведь я даже не знаю, сколько они с Сергеем проехали и где потерялись. А может, они пропали уже в Москве? Или совсем недалеко уехали от Иркутска? Как бы то ни было, но мне нужно больше данных, чтобы хотя бы знать, откуда начать.

Расплатившись за телеграмму, я вышел на улицу и услышал крик разносчика газет:

— Срочные новости! Неизвестная болезнь добралась до Краснодара! Страдает целый город! Никто не знает, как остановить эпидемию! Срочные новости!

Час от часу не легче.